Российский ФУТУРОЛОГ

2012 ВЫПУСК №1

Сетевой альманах
российской Ассоциации футурологов.
©, 2012 г.

В НОМЕРЕ:

• Страница редактора

ВЕЛИКАЯ ФУТУРОЛОГИЯ 1

• Ассоциация

С НОВЫМ 2012 ГОДОМ! 2

• Геополитика

Н. Назарбаев
ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ:
ОТ ИДЕИ К ИСТОРИИ БУДУЩЕГО 3

• Футуро искусство

А. Беляев-Гинтовт
ЗВЕЗДОЛЕТЫ НАД МОСКВОЙ 9

• Человек

К. Фрумкин
МОРАЛЬНОЕ СТАРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА 11

Ю. Шушкевич
ФУТУРИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ
«СВЕРХЧЕЛОВЕКА СССР» 19

Великая футурология

Большинство людей представляют себе футурологию как известного рода предновогодние прогнозы в СМИ, как нечто среднее между гаданиями на кофейной гуще, веселой фантастикой и астрологией.

Однако такое представление глубоко ошибочно. Серьезная футурология имеет огромное, поистине судьбоносное значение для судеб цивилизации и отделных людей, ведь абсолютно все значительные социальные, политические и технические проекты, первоначально возникают как идеи футурологические, даже фантастические.

Вспомним, что одним из самых значительных в истории социальных футурологов был К. Маркс. Его предсказания о том, что история человечества будет формироваться в дальнейшем под знаком классовой борьбы, борьбы между «трудом и капиталом», полностью реализовалась. Не он, разумеется, "изобрел" противоборство социальных классов, но без его футурологических работ мир сегодня, в определенной степни был бы иным. Иными были бы и судбы многих миллионов и миллионов людей.

Стоит вспомнить, например, и о том, что два самых значительных технологических проекта прошлого века, атомный и ракетный, начинались как проекты сугубо футурологические. О мощи "атома" было немало сказано писателями-фантастами еще в начале прошлого века многие, а о ракетах в России и в мире писали и К. Циолковский и другие авторы. К счастью, крайне дорогостоящим атомным проектом удалось, с известными усилиями, заинтересовать сначала власти США, а затем эту идею всерьез воспринял и Сталин. Каким был бы сегодня мир, если бы атомную футурологию смог оценил Гитлер, не хочется даже себе представлять. Тем более, что он поддержал ракетный проект, в котором его конструкторы достигли весьма значительных успехов.

С другой стороны мы прекрасно понимаем, что не всякая фантазия это футурология и далеко не всякий «прожект» может претендовать на воплощение в жизнь. Умение в таких вопросах отделять зерна от плевел дорогого стоит и в буквальном и в переносном смысле. Это умение можно развивать только совершенствуя футурологию, как область науки, философии, творчества. Необходимо работать над футурологической методологией, привносить в нее логику, доказательность, научную строгость.

Немаловажное значение для развития футурологии имеет изучение опыта возникновения и реализации больших футурологических идей и проектов. В этом номере, в рубрике "Геополитика", мы помещаем весьма интересную, в том числе и в этом смысле, публикацию **"Евразийский Союз: от идеи к истории будущего"** Президента Казахстана **Нурсултана Назарбаева**, которого можно по праву считать отцом одной из величайших геополитических футурологических идей современности – идеи создания Евразийского союза. Еще совсем недавно казавшееся несбыточной фантастикой объединение государств евразийского пространства сегодня, весьма неожиданно для многих, стало практической реальностью и перспективы этого проекта представляются поистине грандиозными. Очень советую почитать.

Интересным нам показалось разместить в этой же рубрике художественный материал **"Звездолеты над Евразийской столицей"**, несколько работ российского художника Алексея **Беляева-Гинтовта** из его серии под названием «Парад 2937 года». Сам автор атор описывает свою работу так: "...люди, звери, птицы и ангелы стоят на параде в одном строю, символизируя всеобщность, вселенскость большого Евразийского Парада Победы. Парада победы над хаосом, победы центростремительных процессов над центробежными". Выполненные в необычной ретро-футуро манере и в оргинальной технике эти картины, безусловно, запоминаются.

Для нас в центре истории, в центре всего, стоит, конечно, человек. Два взгляда, два оттенка проблемы будущего человека читатель этого выпуска найдет в статьях участников российской Ассоциации футурологов **К. Фрумкина** ("Моральное старение человека") и **Ю. Шушкевича** ("Футуристический проект "сверхчеловека СССР" - может ли он быть востребован сегодня?")

И, наконец, мы публикуем в этом номере заметку-отчет о деятельности Ассоциации футурологов в прошедшем 2011г.

В заключение приглашаю всех авторов пишуших на темы будущего, глобального прогнозирования технических и гуманитарных процессов, об истории и теории футурологии присылать нам свои материалы по адресу **kishinerts@mail.ru**.

Ваш Владимир Кишинец,

гл. редактор.

С Новым 2012 годом!

Уважаемые члены Ассоциация футурологов!

Поздравляем всех с новым, 2012 годом и желаем всяческих удач и благ в будущем году.

В прошедшем 2011 году в число членов Ассоциации вошли Татьяна Иванова, Валерий Хилтунен, Александр Фокин, Юрий Шушкевич, Петр Черников, Виктор Аргонов, Данила Медведев, Валерия Прайд, Антон Первушин, в качестве почетного члена – Александр Болонкин. Численность ассоциации достигла 36 человек.

В число координаторов ассоциации избран Андрей Мирошниченко.

К интернет-ресурсам Ассоциации футурологов добавилась группа "Футурология" в Фейсбуке.

В течение 2011 года ассоциацией было организован ряд мероприятий, в частности: совместно с Движением «2045» – доклад Владимира Кишинца "Поствитализм: теория технологического бессмертия".

Совместно с философским клубом ОФИР – доклады Сергея Эрлиха «Историческая память и будущее России», его же доклад: «Маркс-пророк информационной цивилизации», доклад Константина Фрумкина «Моральное старение человека».

Совместно с философским клубом МГМСУ был организован круглый стол «Гуманитарные последствия технологической революции».

Организация круглого стола стала новой , и как мы надеемся, перспективной формой работы для нашей Ассоциации. Предполагаем, что в будущем, 2012 году мы будем продолжать организовывать подобные круглые столы на различных площадках.

Очень полезным стало участие членов ассоциации Данилы Медведева и Владимира Кишинца в работе Инновационного форума в Казахстане, в ходе которого Владимир Кишинец принял участие в эксклюзивной беседе трех футурологов с премьер-министром республики, высоко оценившим роль футурологии в государственном строительстве.

Среди публикаций членов ассоциации хотелось бы отметить выход книги Юрия Шушкевича «Параллельная Россия» текст которой был предварительно вывешен на сайте Ассоциации.

Фактически свершившимся фактом стали регулярные обращения СМИ (журналов, радио и телевидения) в адрес Ассоциации с просьбой о комментариях. Результатом этого стало неоднократное участие членов Ассоциации в различных телепередачах.

Продолжилась публикация текстов членов ассоциации на сайте организации.

К, сожалению, запущенный по инициативе коллеги Ивана Тузовского проект словаря прогностики и футурологии (http://futurologija.ru/thesaurus/) так и не заработал, хотя никогда не поздно его возобновить.

Также, к сожалению, пока не отработаны формы деятельности, которые могли бы более активно вовлечь в работу ассоциации ее членов, живущих за пределами Москвы. Будем надеяться, что появятся новые идеи – и будет драйв для их воплощения.

Еще раз всех с Новым Годом!

Евразийский Союз: от идеи к истории будущего

Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев

Всего несколько недель отделяют нас от двух знаменательных событий, которые символично соседствуют в политическом календаре.

Во-первых, это 20-летний юбилей подписания Алматинской декларации СНГ. Она провозгласила возникновение на руинах СССР совершенно уникального в истории Евразии и всего мира межгосударственного объединения — Содружества Независимых Государств.

Во-вторых, это начало реализации с 1 января 2012 года нового проекта — Единого экономического пространства. В них органично переплетены многолетний опыт кристаллизации национальных интересов новых независимых государств, поиска оптимальной модели евразийской интеграции и новые надежды миллионов простых людей.

Остановленный хаос дезинтеграции

21 декабря 1991 года в Алматы на саммите глав постсоветских государств, созванном по моей настойчивой инициативе, был остановлен опасный процесс хаотичного распада исчезающей супердержавы. Как непосредственный участник тех событий, я по сей день храню в памяти их непередаваемый драматизм. Казалось, даже время изогнулось под тяжестью проблем и противоречий, сопутствующих тем историческим дням. Чувства радости за обретение Казахстаном и другими республиками бывшего Союза независимости тесно сплетались с осознанием величайшей сложности исторического вызова, выпавшего на долю наших народов.

В тот период политический кризис добивал экономику. На глазах разрывался прежде единый хозяйственный механизм. Валились набок не просто отдельные предприятия, а целые отрасли. Многие люди остались без работы и средств к существованию. Города зияли черными проемами окон квартир, оставшихся без электричества, не было элементарного тепла. Такая картина была характерна практически для всех регионов бывшего Союза. Распространялись межнациональные конфликты, начавшиеся в последние годы существования СССР.

Сегодня можно открыто сказать о том, сколь велика и реальна была для всех постсоветских стран опасность разлома по этническим и религиозным основаниям. В этом отношении более чем показателен реальный пример параллельно шедшего распада югославской федерации. Я, как и большин-ство моих коллег — лидеров новых незавси-мых государств, осознавал пагубность такого пути, несущего нашим странам лишь братоубийственные раздоры, бездонную пропасть нищеты и высокую вероятность оказаться на обочине истории, заняв лишь нишу сырьевого придатка мировой экономики.

Создание СНГ подвело черту под коротким, но сложным историческим периодом распада супердержавы и одновременно стало точкой начала нового интеграционного процесса на постсоветском пространстве. И я горжусь, что 20 лет назад единственно правильное в тот период решение о создании СНГ в нынешнем, существующем до сих пор формате было принято на благодатной зем4ле Казахстана. Принято по казахстанской инициативе, при моем самом активном личном участии и благодаря проявленной политической мудрости всех участников той памятной исторической встречи в Алматы.

Историческая роль Содружества

За 20 лет в адрес СНГ было высказано немало острой критики. Я тоже всегда был среди тех, кто ожидал большего от развития Содружества, особенно в вопросах экономической интеграции. Потому что знал о реальных возможностях региональной интеграции для укрепления независимости страны, преодоления кризиса, подъема экономики, повышения уровня жизни людей. Потому что знал о тех высоких ожиданиях, которые связывали с Содружеством миллионы простых людей, живущих в Караганде или Новосибирске, Днепропетровске или Гродно, Нукусе или Хороге, Нахчыване или Мары, Оше или Бендерах, Батуми или Гюмри. Такую возможность мне давала уникальная многонациональность народа Казахстана.

В ходе сессий Ассамблеи народа Казахстана, встреч с казахстанцами, из многочисленных писем от простых граждан всех стран Содружества мне передавались сильные импульсы о стремлении простых людей к сохранению тесной и прочной взаимосвязи наших государств, особенно экономик. В 20-летней истории СНГ были моменты, когда мы вплотную подходили к решениям, которые могли стать судьбоносными для всех стран-участниц.

В сентябре 1993 года был подписан Договор о создании экономического союза. Он предпола-

гал последовательно пройти через этапы создания зоны свободной торговли, таможенного, платежного и валютного союза и сформировать общий рынок товаров, услуг и капиталов. Но в то время центробежные тенденции оказались сильнее. Подписанное всеми лидерами государств СНГ соглашение о зоне свободной торговли ратифицировали только 6 государств, но в их числе не было ни России, ни Украины, ни Беларуси.

В 1998 году я направил всем моим коллегам по Совету глав государств СНГ свой проект полномасштабного Договора о едином экономическом пространстве. Но он так и не был рассмотрен на высоком уровне.

По объективным и субъективным причинам СНГ не стало решающей структурой интеграции постсоветского пространства. И все же мир еще не знал такой организации, которая бы при отсутствии жестких наднациональных структур обеспечивала сближение позиций и принятие совместных решений по многим острым вопросам межгосударственных отношений. Особо хочу отметить регулярные встречи глав государств, что способствовало мирному ходу размежевания государств и укрепления их независимости.

В этом смысле Содружество стало площадкой сотрудничества и взаимодействия. В его рамках регулярно проходят саммиты глав государств и правительств, действует 39 отраслевых межгосударственных органов. Показательно, что в работе некоторых из них активно участвуют Латвия, Литва, Эстония и Монголия. Межпарламентская Ассамблея СНГ выработала более 300 модельных законов, которые активно используются в законотворчестве на национальном уровне. Договор о коллективной безопасности — стержень военной безопасности всего СНГ даже при том, что не все государства в нем участвуют. Энергетика, транспорт, культурно-гуманитарная сфера, взаимодействие в сфере борьбы с трансграничной преступностью, экстремизмом и терроризмом — все это перспективные направления многостороннего взаимодействия в СНГ.

Самый важный итог двух десятилетий — в рамках Содружества шлифовался наш общий опыт, что позволило со временем перейти к более результативным формам разноформатной и разноскоростной региональной интеграции.

Евразийская инициатива

Сегодня уже привычно называть процесс сближения государств, образовавшихся после распада СССР, евразийской интеграцией. Это понятие широко используется аналитиками и экспертами, и, что важно, оно стало органичной частью лексикона политических элит и в ближнем, и дальнем зарубежье. Сейчас уже не вызывает отторжения и никого не удивляет идея формирования Евразийского союза. Более того, о ней говорят на самом высоком уровне как о ближайшей цели и конкретном интеграционном проекте. А ведь всего семнадцать лет назад было совсем иначе.

В марте 1994 года я впервые предложил создать на пространстве СНГ качественно новое интеграционное объединение — Евразийский Союз Государств. Эта идея была не случайно обнародована мной в академической аудитории Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Я напрямую обратился к интеллектуальной элите всего Содружества с твердой решимостью вывести из ступора процесс многосторонней интеграции, в котором он оказался уже через два года после создания СНГ.

Я откровенно сказал, что СНГ не отвечает объективным требованиям времени и не обеспечивает интеграцию стран-участников, в которой так остро нуждаются наши народы. Поэтому назрела необходимость создания нового межгосударственного объединения, которое бы действовало на более четких принципах. Мне всегда импонировали взгляды выдающегося российского мыслителя Льва Гумилева, который пошел дальше всех последователей «школы евразийства», возникшей в среде русских эмигрантов первой половины XX века. Он концептуально обосновал единство географических и культурно-исторических связей народов огромной части Северной и Центральной Евразии. Имя этого ученого носит созданный в Астане по моей инициативе Евразийский национальный университет.

Мой подход к евразийству, преломленный к конкретным историческим условиям рубежа XX и XXI веков, базировался на следующих принципах.

Во-первых, не отрицая значения культурных и цивилизационных факторов, я предлагал строить интеграцию прежде всего на основе экономического прагматизма. Экономические интересы, а не абстрактные геополитические идеи и лозунги — главный двигатель интеграционных процессов. Поэтому первооснова будущего Евразийского Союза — Единое экономическое пространство как масштабный ареал совместного успешного развития наших народов.

Во-вторых, я всегда был и остаюсь сторонником добровольности интеграции. Каждое государство и общество должны самостоятельно прийти к пониманию, что в глобализирующемся мире нет смысла бесконечно упиваться собственной самобытностью и замыкаться в своих границах. Добровольная интеграция, исходя из интересов народа и страны, — вот кратчайший путь к процветанию.

В-третьих, Евразийский Союз я изначально видел как объединение государств на основе принципов равенства, невмешательства во вну-

тренние дела друг друга, уважения суверенитета и неприкосновенности государственных границ.

В-четвертых, я предлагал создать наднациональные органы Евразийского Союза, которые бы действовали на основе консенсуса, с учетом интересов каждой страны-участницы, обладали четкими и реальными полномочиями. Но это никоим образом не предполагает передачу политического суверенитета. Это аксиома. Именно таким был успешный опыт создания Европейского союза, основой которого было равенство партнеров по интеграции.

Все эти аспекты были детально изложены в пакете моих предложений, направленных всем главам государств СНГ.

В те дни я получил многочисленные позитивные отклики на мою евразийскую инициативу от общественности практически всех постсоветских стран. Но ее оказались не готовы предметно обсуждать политики. Возможно, это было закономерно. Волна эйфории от обретения долгожданной независимости не позволила тому поколению лидеров стран СНГ увидеть долгосрочный потенциал идеи евразийской интеграции. Но нельзя не увидеть, что эта инициатива стала прорывом для интеграционного процесса на пространстве СНГ. В последующие годы она поэтапно воплощалась в жизнь в создании целого ряда успешных межгосударственных структур — Организации Договора о коллективной безопасности, Евразийского экономического сообщества, Таможенного союза Казахстана, Беларуси и России.

Шаги навстречу простым людям

Осенью 2010 года у меня состоялась встреча с группой молодых российских журналистов. Наша беседа неожиданно началась с их благодарности в мой адрес за то, что впервые за многие годы они приехали в Казахстан, не проходя изнуряющего таможенного контроля на границе. Я ответил, что такие же слова они должны обязательно сказать и российским лидерам — Владимиру Путину, с которым в 2007 году мы подписали договор о создании трехстороннего — с участием наших стран и Беларуси — Таможенного союза, и Дмитрию Медведеву, который лично много сделал для того, чтобы этот интеграционный проект окончательно стал реальностью.

Я всегда считал, что объективно Казахстан и Россия — это локомотивы евразийской интеграции. Также хотел бы отметить огромный вклад в создание Таможенного союза наших белорусских партнеров и лично президента Беларуси Александра Лукашенко. Мы вместе провели колоссальную работу. Менее чем за три года разработан и принят единый Таможенный кодекс трех стран, создан наднациональный орган — Комиссия Таможенного союза. Согласовано более 11 тысяч товарных позиций для применения унифицированного тарифа в торговле со странами вне единой таможенной территории. Уже сегодня очевиден макроэкономический эффект создания Таможенного союза.

Только в первом полугодии 2011 года на треть вырос общий товарооборот трех стран. Прогнозируется, что по итогам года он достигнет уровня $100 млрд, что будет на 13% больше прошлогоднего показателя. Причем наиболее быстро растут объемы приграничной торговли между Казахстаном и Россией — более чем на 40%. Убежден, что подведение итогов первого года полноценной работы Таможенного союза даст более точные цифры позитивной динамики по всем ключевым показателям — приросту национальных ВВП, привлечению иностранных инвестиций, снижению себестоимости продукции и так далее.

Безусловно, мы предвидели и определенные трудности, связанные с периодом адаптации экономических субъектов трех стран к унифицированным таможенным тарифам и импортным пошлинам. Есть отдельные нестыковки между национальными таможенными администрациями, которые методично устраняются работой Комиссии Таможенного союза.

Таможенный союз расширил до Бреста и Владивостока границы рынка сбыта для казахстанских производителей. В 2011 году наш экспорт в Россию вырос на 60%, а в Беларусь — более чем в 2,3 раза. Отменены ограничения на перемещение внутри единой таможенной территории иностранной валюты. Это же произошло для товаропроизводителей России и Беларуси. Все это реальные плюсы прежде всего для всех казахстанцев, россиян и белорусов.

В 1998 году я предложил программу «Десять простых шагов навстречу простым людям».

Многие ее положения уже реализованы в двустороннем и многостороннем форматах. Наши совместные границы становятся прозрачными для беспрепятственного пересечения гражданами наших стран. Таможенный союз Казахстана, России и Беларуси — это первая на пространстве всего СНГ действительно добровольная и равноправная форма интеграции. Она впервые в истории сближает народы наших стран на основе взаимоуважения, сохранения национальной самобытности и осознания неразрывности общего будущего. Последовательная трансформация Таможенного союза в Единое экономическое пространство, а со временем, в чем я абсолютно уверен, в Евразийский экономический союз станет мощным стимулом для процветания наших народов, выведет наши страны на ведущие позиции в глобальном мире.

Евразийское сообщество

Таможенный союз Казахстана, Беларуси и России логично вырос из Евразийского экономического сообщества. Его создание в 2000 году в формате пяти стран — Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана — стало переломным моментом в практике евразийской интеграции.

Всего за 11 лет в рамках ЕврАзЭСа сформировалась разветвленная структура механизмов по различным измерениям интеграционного процесса. Причем они учреждаются не только на межгосударственном уровне, но и снизу по инициативе бизнесменов, деятелей науки, образования и культуры, НПО, молодежи.

Своевременным с учетом глобального финансово-экономического кризиса было создание Евразийского банка развития и Антикризисного фонда. Сегодня это дает возможность не только финансировать конкретные экономические проекты в ряде стран ЕврАзЭСа, но и оказывать срочную помощь, например, белорусской экономике, остро переживающей последствия мирового кризиса.

Показательно, что, например, в формате Таможенного союза трех стран быстро возникают отраслевые ассоциации производителей. Наши предприниматели интегрируются для согласования своих интересов, выработки правил внутренней конкуренции и взаимной поддержки. Предметно работают Евразийский медиафорум, Евразийская ассоциация телевидения и радио. Традицией становятся евразийские фестивали кино и театра, различные конференции, молодежные форумы.

На Санкт-Петербургском экономическом форуме я отметил, что сегодня раздвигают горизонты интеграции образовательного и научного пространства Евразийская ассоциация университетов, Евразийский клуб ученых, Международный центр высоких технологий, созданные по моей инициативе. Иными словами, идет процесс вертикальной интеграции, пронизывающей всю глубину жизни наших обществ.

Не это ли проявление жизненной силы евразийской интеграционной идеи?

Сегодня наши народы все более ощущают себя частью формирующейся евразийской идентичности с ее культурным, религиозным и языковым многообразием, но с общим стремлением к плодотворному экономическому взаимодействию и добрососедству. Мы все являемся свидетелями рождения нового уникального евразийского сообщества наций, у которого не только богатый опыт совместного прошлого, но и неделимая общая история будущего.

Новое прочтение евразийской идеи

в XXI веке

В моей идее о создании Евразийского Союза никогда не было и нет ни маниловщины, ни заслоняющего будущее политического ностальгизма. В ее основе всегда был и остается прагматичный подход, отрицающий любые формы насилия политики над экономикой, какими бы благими намерениями или целесообразностями они не прикрывались. В евразийском проекте недальновидно видеть только лишь возможность коллективно закрыться от внешних экономических, военных, политических, информационных, технологических, экологических и других угроз. При таком узком понимании исторической перспективы ЕАС велик будет соблазн выкраивания нового подобия «железного занавеса», но уже по другим геополитическим лекалам. Это абсолютно недопустимо и неприемлемо. Мы рассматриваем Евразийский Союз как открытый проект. Его нельзя представить без широкого взаимодействия, например, с Евросоюзом, другими объединениями.

Никакой «реставрации» или «реинкарнации» СССР нет и не будет. Это лишь фантомы прошлого, домыслы и спекуляции. И в этом наши взгляды с руководством России, Беларуси и других стран полностью совпадают. Сегодня надо преодолеть страхи от слова «союз» и пресловутого «наступления империи». Важно, что об этом писал В. Путин в своей статье в «Известиях». Североатлантическая интеграция в рамках НАФТА состоит также из трех стран — США, Канады, Мексики. Но никто не говорит об имперских амбициях США.

Некоторые западные эксперты поторопились заявить, что Евразийский Союз призван стать защитой от так называемой китайской экономической экспансии. Нет ничего более далекого от истины, чем такое утверждение. Напротив, КНР на протяжении двух последних десятилетий является стратегическим партнером и России, и Казахстана, и Беларуси. Мы поддерживаем интенсивный политический диалог и тесное экономическое сотрудничество. Мы также тесно взаимодействуем в рамках ШОС и СВМДА.

В то же время важно добавить к тем принципам евразийской интеграции, о которых я говорил 17 лет назад, положение об ответственности каждой страны-участницы за устойчивость внутреннего развития, результативность национальной экономической, кредитно-финансовой и социальной политики. Это особенно важно с учетом опыта нынешнего преодоления трудностей в экономике Евросоюза, пример которого для нас является очень полезным. С 2009 года мы ведем детальную проработку всех юридических вопросов формирования Единого экономического пространства Казахстана, Беларуси и

России. До конца нынешнего года на уровне правительств будут заключены соответствующие соглашения. С 1 января 2012 года начинается практический этап создания Единого экономического пространства.

Последовательно станут реальностью механизмы согласования экономической политики трех стран и обеспечения трансграничного свободного движения услуг, капиталов и трудовых ресурсов, унифицированное законодательство. Национальные субъекты бизнеса получат равный доступ к инфраструктуре в каждом государстве, участвующем в ЕЭП. В перспективе сложатся единые транспортные, энергетические и информационные системы. ЕЭП станет прочной основой для перехода к более высокой ступени интеграции — Евразийскому экономическому союзу.

Это будет мощное объединение. Совокупный ВВП трех стран составляет почти $2 трлн, промышленный потенциал оценивается в $600 млрд, объем выпуска продукции сельского хозяйства — порядка $112 млрд, а общий потребительский рынок — более 165 млн человек.

В XXI столетии невозможно представить, чтобы Евразийский Союз состоялся как успешный центр глобальной силы вне четко прослеживающихся трендов глобального развития. В текущем столетии регионализация стала общемировой тенденцией. Европейский союз в ближайшие годы планирует дальнейшее расширение за счет вступления в него Хорватии, а в перспективе — Сербии, Черногории и других стран. В Восточной Азии создается крупнейшая на планете зона свободной торговли с участием Китая и стран АСЕАН с охватом сразу двух миллиардов потребителей. В финансово-экономическом плане самоорганизуется регион Персидского залива. Укрепляется интеграция стран Северной и Южной Америки, Африки.

За 20 лет суверенного развития экономики России, Казахстана и других участников евразийской интеграции стали частью глобальной экономики. Сегодня важным условием модернизации наших стран, создания наукоемких инновационных экономик является активное наращивание инвестиционного и технологического сотрудничества с США, Евросоюзом, Китаем, странами Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества.

Следует учитывать и важные аспекты процесса конструирования новой глобальной системы безопасности. В принятой почти год назад по моей настойчивой инициативе Астанинской декларации саммита ОБСЕ впервые была обозначена цель создать единое и неделимое пространство евроатлантической и евразийской безопасности. Поэтому сегодня актуально новое прочтение идеи евразийской интеграции, устремленной далеко в будущее XXI, а возможно, и последующих веков!

Евразийский союз: стратегия будущего

Евразийский союз — это мегапроект, соизмеримый со сложными вызовами настоящего и будущего. Он имеет все шансы стать органичной частью новой мировой архитектуры, формирование которой началось под воздействием самого мощного в истории глобального финансово-экономического кризиса. Для этого всем участникам евразийской интеграции необходимо иметь ясную и четкую стратегию действий.

Первое. Евразийский Союз должен изначально создаваться как конкурентоспособное глобальное экономическое объединение.Нас не могут удовлетворить ни узкая перспектива быть совокупностью стран, развивающихся лишь на принципах «догоняющей модернизации», ни участь вечно оставаться большим периферийным экспортером природных ресурсов для остального мира.

Мир стоит на пороге новой технологической революции. Сегодня Казахстан взял курс форсированного индустриально-инновационного развития. Мы создаем новую структуру современных производительных сил как основу будущей национальной инновационной экономики. Аналогичные задачи ставятся в России и других странах СНГ.Поэтому важно, чтобы наше Единое экономическое пространство было территорией инноваций и мощного технологического прорыва. Для этого необходимо выстроить общий алгоритм модернизации и инновационного развития наших стран. Я предлагаю оперативно разработать и принять совместную Программу евразийской инновационно-технологической кооперации, рассчитанную на перспективу 10–15 лет.

В этом плане показателен пример Франции, Германии и Великобритании, создавшими еще в 1970 году крупнейший международный авиастроительный консорциум AIRBUS. Позднее к ним присоединилась Испания. По итогам 2010 года AIRBUS существенно опередил американские компании «Боинг» и «Локхид» по числу поставок и заказов на новые самолеты. Ежегодный доход AIRBUS приближается к €30 млрд. На предприятиях компании, расположенных по всей Европе, трудятся 53 тыс. человек. С 2006 года весь пакет акций AIRBUS принадлежит европейскому аэрокосмическому консорциуму EADS, который, в свою очередь, финансируется правительствами и национальными компаниями стран ЕС. Дания и Швеция создали совместный инновационный центр в Скане — «медиконовую долину». Сегодня это самый мощный в Европе кластер, где сосредоточены лаборатории, коммерческие структуры, промышленные предприятия. Здесь действует 7 научных парков, куда входят 300 различных компаний, 14 университетов, 26 медицинских клиник. Таким же путем идут ряд стран, поощряющих создание международных инновационных центров, заключающих двусторонние договоры по отдельным аспектам совместной разработки новейших технологий.

Второе. Евразийский союз должен формироваться как прочное звено, сцепляющее евроатлантический и азиатский ареалы развития. В экономическом плане мы можем стать мостом, соединяющим динамичные экономики Евросоюза, Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии.Сегодня реализуется проект международного транспортного автомобильного коридора

«Западная Европа — Западный Китай». Со временем вдоль этого маршрута выстроится современная транспортно-логистическая система, которая обеспечит сокращение сроков поставок товаров на европейский и китайский рынки более чем в 3,5 раза. Безусловно, перспективным видится создание в будущем трансевразийской скоростной железной дороги. Нам взаимовыгодно расширение сотрудничества между Единым экономическим пространством с Европейским союзом, Китайской Народной Республикой, Японией, Индией.

Третье. Евразийский союз должен формироваться как самодостаточное региональное финансовое объединение, которое будет частью новой глобальной валютно-финансовой системы. Как показывает опыт Евросоюза, создание общей платежной системы, а затем и единой валюты — закономерный этап интеграции. В современных условиях этот процесс должен также учитывать тенденции, развивающиеся вследствие мирового кризиса. Как бы ни критиковали сегодня ЕС и еврозону, они показывают собственную жизнеспособность и прочную стойкость к кризисам. Мы видим, какую мощную поддержку оказывает ЕС тем странам, которые оказались в труднейшем положении.

Три года назад я предложил начать проработку вопроса об учреждении евразийской наднациональной расчетной единицы — ЕНРЕ как первоосновы для сильной региональной резервной валюты. Сейчас, учитывая вероятность новой волны глобальной рецессии с еще более серьезными последствиями, эта идея остается не просто актуальной, она требует практических решений. Хочу особо отметить, что создание валютного союза в рамках ЕЭП — это тот Рубикон, преодолев который, мы вплотную подойдем к новому уровню интеграции, близкому к нынешнему состоянию Европейского союза. Наша главная задача — убедить на практике наших соседей в важности и жизнеспособности нашего союза. Тогда нас может стать намного больше, чем три государства.

Четвертое. Геоэкономическое, а в перспективе и геополитическое возмужание евразийской интеграции должно идти исключительно эволюционным и добровольным путем. Неприемлемы никакие формы искусственного ускорения и подстегивания к ней отдельных стран. Не будем забывать, что единый европейский рынок создавался почти 40 лет.

Сегодня платформа евразийской интеграции достаточно широка. Она включает разные по форме, целям и задачам межгосударственные объединения — СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ, Таможенный союз — ЕЭП Казахстана, Беларуси и России и прочие. Вполне возможно возникновение и других структур. Я, например, остаюсь сторонником создания Центрально-Азиатского союза. Вижу в нем прежде всего огромные возможности для совместного решения проблем и выравнивания уровней социально-экономического развития всех стран региона. Это способствовало бы улучшению благосостояния всех граждан стран Центральной Азии и помогло бы решению сложных проблем региона. Участие в различных региональных организациях помогает каждому государству выбрать наиболее оптимальный путь интеграции. Поэтому важно наращивать потенциал всех евразийских объединений, постепенно способствуя сближению их форматов и содержания.

Пятое. Создание Евразийского Союза возможно только на основе широкой общественной поддержки. Вполне закономерно, что уже сейчас в наших странах есть и свои «евразооптимисты» и «евразоскептики». Полемика между ними только помогает видеть и последовательно устранять издержки интеграционного процесса. Я думаю, что уже в недалеком будущем их дебаты будут вестись с трибуны Евразийской ассамблеи — наднациональной структуры, объединяющей наших парламентариев.

Вместе с тем важно укреплять народную вертикаль евразийской интеграции. Речь идет о расширении числа евразийских общественных объединений. Например, на базе Делового совета ЕврАзЭСа можно создать Евразийский конгресс промышленников и предпринимателей. В формате трех стран Таможенного союза целесообразно создать Евразийскую торгово-промышленную палату. Их офисы могли бы разместиться в Астане. Надо начать работу по созданию круглосуточного новостного канала «Евразия-24». Это важно с точки зрения объективного и полного информирования граждан наших стран о преимуществах и ходе интеграции.

Я предлагаю разместить исполнительные органы Евразийского экономического пространства в Астане, городе находящемся в географическом центре Евразийского субматерика. Здесь нет никаких амбиций. Это было бы серьезной нагрузкой для нас. И вместе с тем стало бы справедливой данью признательности Казахстану как инициатору идеи евразийской интеграции. Нахождение центрального офиса в Казахстане избавит новое интеграционное объединение от подозрений, имеющихся как внутри наших стран, так и за пределами нашего объединения. Это вызовет большое доверие к нашей организации, которая делает первые шаги. Именно этим было продиктовано в свое время наше решение разместить штаб-квартиру СНГ в Минске. Не случайно, что штаб-квартира Европейского союза находится в Брюсселе.

* * *

В начале второго десятилетия XXI века идея евразийской интеграции обретает реальные черты Единого экономического пространства. Она доказала свою историческую перспективность как верный путь к процветанию и благополучию наших стран и народов. Приняты ключевые политические решения.

Предстоит решить немало масштабных задач, чтобы создать экономически мощный, стабильный и выгодный всем Евразийский Союз.

Именно в этом — наша общая стратегическая цель!

Источник: http://www.izvestia.ru/news/504908

Звездолеты над Москвой

Выставка " Парад победы" посвящена будущей столице империи Евразии — Москве. В этом параде победы соединяются несколько пластов времени — начиная от сталинского ген.плана построения высоток 1935 года , проходя через парад победы 45 года, и заканчивая будущим парадом победы над современным хаосом общества. Огромные слоны, люди в блестящей космической одежде и парящие звездолеты — все выражает стройность и широкий размах будущего.

Алексей через свои произведения блестяще выражает евразийскую эстетику и евразийские

А. Беляев-Гинтовт. Парад победы 2937 (I). 2010. Сусальное золото, красная типографская краска, ручная печать на холсте.

идеи в целом: монументальность, всеобщность, всеучастие. Примечательно, что на параде победы изображены не только азиатские, но и европейские лица, а также люди-звери. Мне, к слову сказать больше всего понравилась картина "Лицо Евразии".

Все картины выполнены ручной техникой красной краской по сусальному золоту. Выглядит потрясающе.

Москва предстоит в совершенно ином свете, Красная площадь является центром Москвы, все высотки вокруг построены по принципу трех колец таким образом, что с любой высотки видно красную площадь. Вместо ГУМА возвышается космодром, а на месте въезда в Красную площадь — возвышается на арке Статуя Ответственности, противостоящая Статуе Свободе.

По мнению Алексея, эти произведения символизируют "Сны Евразии", тем самым художник оставляет свободу интерпретации зрителям. Сны Евразии, как противостояние реальности разобщенности мира, как надежда на будущее единство и империю, когда мир проснется и станет единым...

Текст: Lj — g0_underground

МОРАЛЬНОЕ СТАРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА.

ПОЧЕМУ ЦИВИЛИЗАЦИЯ НУЖДАЕТСЯ В ИЗМЕНЕНИЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ

Константин Фрумкин

Спрос определяет предложение – и эта грубая рыночная мудрость во многом относится и к научному прогрессу. Конечно, без научных открытий развитие немыслимо, но не меньшее значение имеют потребности и интересы, определяющие направление движения цивилизации. Если общество ощущает настоятельную потребность в определенных научно-технических преобразованиях, то именно в этой сфере концентрируются и инвестиции, и усилия ученых. Напротив, там, где не существует социального заказа, научные открытия остаются невостребованными, и самих открытий становится меньшей.

Весь XX век человечество мечтало об освоении космоса, о полетах людей к другим планетам, о создании инопланетных колоний и городов, о межзвездных перелетах. Между тем, действительные космические достижения на фоне игры воображения выглядели убогими: у правительств планеты просто не оказалось достаточных мотивов выделять на амбициозные космические проекты существенно больше денег.

Сейчас примерно такой же «космический» прогностический энтузиазм окружает сферу биотехнологий. Реальные достижения ее не очень велики. Конечно, мы видим важные научные открытия, которые обещают многое, – но кто может сказать, когда, как и в какой степени будут выполнены эти обещания?

Но, не дожидаясь, пока наука и техника подарят нам чудеса, фантасты и футурологи уже рисуют картину того, какими именно будут эти чудеса: преобразования человеческого тела; синтез человеческого тела и с компьютером, вживление в человека компьютерных чипов, «чипизация» мозга – и так далее, и тому подобное.

В поисках бессмертия

В некоторых странах вокруг ожидания биотехнологического прогресса уже довольно давно существуют объединения людей, называющих себя трансгуманистами. Есть и Российское трансгуманистическое движение, участники которого занимаются пропагандой будущих возможностей технологических изменений человеческого тела, желательно – для достижения бессмертия. Более того, отечественные трансгуманисты занимаются крионикой, агитируя за замораживание мертвых тел в надежде, что в будущем появится возможность их оживить, для чего учредителями движения создана специальная компания «Криорус». Существует Междисциплинарный семинар по трансгуманизму и научному иммортализму, где сторонники трансгуманизма ежемесячно обмениваются информацией о том, какие еще достижения сделало человечество на пути к бессмертию и замене мозга нано ЭВМ.

Наряду с термином «трансгуманизм» имеет хождение введенный философом Владимиром Кишинцом термин «поствитализм» – теории о закономерности перехода любой разумной жизни, зарождающейся как жизнь биологическая, в стремлении ее к бессмертию, в искусственные, технологические формы.

Пропаганда трансгуманистов и поствиталистов имеет явный успех: такая, казалось бы, далекая от научной фантастики организация как Ассоциация адвокатов России за права человека, вдруг стала говорить о праве человека быть крионированным для реализации его «права на жизнь». Подпавший под влиянием трансгуманистов известный фантаст Юрий Никитин, вдруг забросил писать приносившие ему успех фентези и начал писать романы о людях, достигших преобразования личности с помощью биоактивных добавок и других технических средств. Определенную известность получил его роман «Трансчеловек».

Самое удивительное – в России даже появились предприниматели, пытающиеся приблизить обещанное наукой бессмертие и преобразование телесности. Например, костромской бизнесмен Михаил Батин, создавший фонд «Наука за продление жизни». Бывший топ-менеджер РАО «ЕЭС России» Александр Чикунов создал группу «Росток», которая финансирует, опять же, проекты по продлению жизни – иногда вполне фантастические, например «Таблетку против старости».

Но самый громкий проект такого рода – «Движение 2045», созданное медиапредпринимателем Дмитрием Ицковым и пытающееся объединить научные силы для конструирования искусственного тела, куда можно будет пересадить сначала мозг человека, а на следующем этапе – и отделенное от грешной плоти сознание. В рамках движение учреждается «Корпорация «Бессмертие» – название заимствовано у американского фантаста Роберта Шекли. Трансгуманистическое движение, со своей стороны, пытается предложить руководству страны Концепцию увеличения

продолжительности жизни до 150 лет к 2030 году.

Желание стать сверхчеловеком

Итак, многие умные люди всерьез ожидают, что наука превратит нас в предсказанных научной фантастикой киборгов. Эти ожидания – факт уже не науки, но нашей культуры и нашего общественного сознания. Однако, у многих, не охваченных биотехнологическим энтузиазмом здравомыслящих людей возникает вопрос: даже если бы это все было возможно – зачем все это нужно? Ведь далеко не всегда, человечество реализует предоставляемые ему наукой и техникой возможности, просто потому, что эти возможности есть. Кроме возможностей, нужны еще и потребности , и особенно в том случае, если реализация возможностей – вещь дорогостоящая.

Следовательно, размышляя о том, смогут ли биотехнологии радикально изменить человеческую природу, надо думать не только том, до каких вершин смогут добраться наука и технология, но и о том, насколько остро стоит потребность в преобразованиях нашей телесности – и прежде всего, общественная потребность.

И эта потребность действительно ощущается. Трудно сказать, насколько она реальна, насколько она способна двинуть вперед технический прогресс, но ощущение этой потребности- опять же, несомненный факт культуры и общественного сознания. Может быть, многочисленные «трансгуманисты» и «поствиталисты» именно потому с таким восторгом встречают зарю «постчеловеческой» эры, что они, осознанно или бессознательно, чувствуют, что без серьезного подкрепления своей телесности с помощью технологий они рискуют оказаться лишними в собственной цивилизации. Человек не уверен в себе, он дезориентирован требованиями современности — и поэтому хочет стать техногенным «сверх» («транс», «пост») человеком.

Человеческая цивилизация достигла такого уровня сложности, что человек не справляется с функциями, выполнения которых ожидает от него общество. Человек перестает быть исправным винтиком общественного механизма. У человека складывается впечатление, что он устарел для созданного им же общества. «Человеческий материал» задерживает развитие политических и экономических институтов, делает общественные процессы менее эффективными и управляемыми, порождает «заторы» и дезорганизацию информационных потоков и тормозит развитие некоторых областей техники.

В XX веке, в период между двумя мировыми войнами появилось эссе философа Эрнста Юнгера «Рабочий», в котором было возвещено о появлении нового человека, приспособленного к экстремальным ситуациям и войны и новейшей тяжелой промышленности. Юнгер был известным «романтиком» войны, он был восхищен современным сражением, на котором сплелись жутка мощь взрывчатых веществ и машин – и при этом он обратил внимание, что обстановка на современном промышленном предприятие, где гремят машины, бушует пламя, льется раскаленный металл и летят искры очень напоминает обстановку боя, и вот образ воина, привычного к сражению и образ рабочего, привычного к пылающей мартеновской печи вместе породили ожидания некой антропологической реформации. Ожидания Юнгера оказались преждевременными, общий тренд развития промышленности был направлен скорее на повышение комфорта труда, война и сражения так и не стали источниками антропологических норм, обожженные войной солдаты порою оказывались изгоями в собственных странах – но, тем не менее, Юнгер описал очень точно ситуацию, когда человеческая цивилизация делает самого человека устаревшим и неадекватным, и требует появления нового субъекта, с телесностью более отвечающей возросшим нагрузкам.

Ситуацию эту можно было бы назвать «автохтонным антропологическим кризисом». Автохтонным в том смысле, что он возник без всякого падения метеорита, без всяких внешних катастроф – а просто собственное развитие человеческого вида стало вызовом, потребовавшим его видоизменения.

Но, прежде чем говорить о теле, поговорим о мозге.

Быть гражданином

Начнем, с самого простого – с политики. Теория (да, порою, и практика) демократии предоставляет множество способов вовлечения людей в управление. Если, прибавить к ним всевозможные методы прямой демократии с использованием интернета – например те, что пропагандирует социолог Игорь Эйдман, автор книги «Интернет-революция» – то существует множество технических решений, как гражданину участвовать в управлении. Примером того, как интернет может преобразовывать демократию может служить введенная в Великобритании система электронных петиций: петиция, набравшая подписи 100 тысяч интернет-пользователей автоматически выносится на обсуждение в парламенте.

Разумеется, олигархии противостоят массам, но куда важнее другая проблема: возможности, таящиеся в демократических структурах самими людьми не используются, поскольку у людей нет интереса, нет "драйва", им мешают всевозможные моральные установки и предрассудки, у них нет времени разбираться во всех вопросах «повестки дня», они заняты другим, они хотели бы, чтобы государство работало само и не беспокоило их, они не хотят тратить нервы на вопросы, не влекущей непосредственную отдачу, и т.п. Получается, что также как и во многих технических системах, в политических структурах человек является «самым слабым звеном». Человеческая психика мешает раскрыться потенциалу демократии. «Политическая апатия -- одна из центральных проблем современности, – пишет футуролог Ричард Уотсон, – Здесь есть большая доля нашей вины. Среднестатисти-

ческого избирателя в настоящее время мало интересуют крупные общенациональные проблемы. Он по уши в долгах и полностью поглощен собственными материальными проблемами»[1].

Социолог Ханна Арендт, разбирая проблемы, с которыми столкнулись республиканцы эпохи Французской революции, отмечает, что «постоянный тяжелый труд и недостаток досуга автоматически исключали большинство населения из активного участия в управлении»[2]. Однако, то же самое относится не только беднякам прошлых веков, но и к представителям современного среднего класса. Хотя их труд вроде бы и не так тяжел, как у каменщиков и ткачей во времена Робеспьера, но он также навязчив, также требует привлечения к себе всего человеческого внимания, и, зачастую, также лишает досуга.

Ввиду всего этого возникает политическая мотивировка для «поствитализма» и «трансгуманизма» – для технических преобразований высшей нервной системы. То есть, необходимо, усилить (если не заменить) мозг компьютерными чипами, чтобы он не отдыхал, а чтобы – может быть по принципу «облачных» и «параллельных» вычислений – все время работал, разбираясь в вопросах государственного управления, ежедневно и ежечасно отдавая свой голос на опросах, референдумах, выборах и массовых дискуссиях. Иной человек бы захотел, чтобы его мозговой чип это делал сам собой, не тревожа его сознание. Но если так, то чип, то есть, по сути, персональный компьютер, присвоит себе права гражданина. Так или иначе, современный человек должен быть не только обывателем, но и гражданином, занимаясь не только личными делами, но и через всевозможные механизмы демократии, участвуя в управлении. Чтобы делать это хорошо, он должен обладать умом, способным на широкий охват информации, а лучше «параллельно» думая и о своих личных делах, и о текущих вопросах общественной жизни – то есть, наше сознание нуждается, чтобы его научили эффективному параллельному мышлению сразу в нескольких сферах.

Не только политика

При этом речь идет не только о политике, но и, говоря шире, об участии человека в общественных делах. Интернет создает массу подобных возможностей. Например, предполагается, что все товары и услуги, курорты и рестораны, банки и страховые компании будут на специальных сайтах, рейтинговаться и оцениваться клиентами, специальные сайты будут аккумулировать отзывы потребителей о фирмах и их услугах и таким образом, потребление станет более безопасным,

Футурологи уже планируют, что масса общественных дел будет решаться благодаря спонтанной активности, инициативе снизу, объединенной и организованной благодаря всевозможным социальным сетям. В частности, возникли понятия «краудсорсинг» – то есть система работы неопределенного круга многочисленных добровольцев в обсуждении и решении какой либо проблемы, и «краудфандинг» – совместное финансирование интернет-пользователями новых бизнес-проектов.

Энтузиазм по поводу новых общественных отношений такого рода выразил английский научный журналист Мэтт Ридли, в книге которого «Рационально мыслящий оптимист» можно прочесть: «Инициатива снизу, формирующая все мироустройство- основополагающая тенденция нашего века. Врачам придется адаптироваться к тому факту, что пациенты хорошо информированы, сами собирают информацию о своих болезнях. Журналист должны подладиться под читателей, которые сами формируют новостную ленту. Телекомпании приучаются к ситуации, когда право отбирать артистов перепоручат зрителям. Инженеры ищут решение задач всем своим сообществом. Производители откликаются на запросы потребителя, которому нужен товар с особым набором характеристик. Генная инженерия будет развиваться по принципу «открытого кода»: выбирать комбинацию генов станут отдельные люди, а не корпорации. Политики все больше напоминают щепки, дрейфующие по волнам общественного мнения. Диктаторы обнаруживают, что граждан их стран могут организовывать восстания посредством СМС»[3]

Однако, чтобы участвовать во всевозможных общественных делах путем интернет-опросов, интернет-голосования, рейтингования, оставление отзывов, участия в сетях, в краудсорсинге и краундфандинге, нужно время и желание. А и того и другого у современного человека нет. Можно сказать, что современный гражданин нуждается в «двухпроессорном» мозге: чтобы одна его «субличность» занималась его личными делами, а вторая принимала активное участие в общественных делах – начиная с заседаний домового комитета и товарищества собственников жилья.

Сознавая свою глупость

Впрочем, недостаточно того, чтобы человеку хватило времени и желания заниматься общественными вопросами. Нужно, чтобы человек в них более или менее адекватно разобрался – ну хотя бы настолько адекватно, насколько позволяют интеллектуальные ресурсы общества, в котором он живет. Между тем, в современной жизни как общественной, так и частной, человек сталкивается со столь сложными проблемами, что не может их адекватно обдумывать и обсуждать.

Выражением недостаточности человеческого разума является недостаточности человеческого языка и, говоря шире, дискурса. Человек сталкивается с реальностями такой сложности, что у него нет инструмента адекватного, и главное функционального их описания. Конечно, жизнь была сложной всегда. Но не всегда в распоряжении общества были столь развитые интеллектуальные инструменты для описания этой сложности – такие, как совре-

менная наука. Беда лишь в том, что наука – удел избранных, а разобраться в реальности должен каждый рядовой избиратель, а то и каждый рядовой потребитель.

Неадекватность используемого человеком языка описания мира является следствием не столько сложности этого мира, сколько следствием именно достигнутого в современном обществе уровня понимания этой сложности. Вполне возможно представить себе счастливое в своей наивности состояние первобытного человечества, когда окружающая природа описывалась с помощью антропоморфных мифологических образов, и это не порождало никакого «вызова» и «кризиса». Но сегодня, человеческая мысль наработала большое количество высокоизощренных интеллектуальных моделирующих систем, которые становятся попросту непереводимыми на другие «языки» и «дискурсы», и лишь порождают критическое отношение к любым политическим высказываниям и практическим действиям: «по большому счету» всегда оказывается, что высказывание неточно, и действие совершено наобум. В любом обсуждении, проводимом за пределами узкопрофессиональных сообществ специалистов по предмету их специализации, люди вынуждены «недопустимо» упрощать вопросы, превращая в простейшие цепочки причинно-следственных связей, в бинарные оценки типа «хорошо-плохо» те реальности, для которых подходят лишь сложные многофакторные модели, и каскады вероятностных оценок.

И проблема не в том, что человек недостаточно умен – проблема в том, что он знает об этом недостатке. Человеческая культура располагает мерилами – например, наукой – которые позволяют оценивать большинство «практических» и «политических» высказываний как недопустимо упрощающие. Иными словами, человечество уже в упор видит недостаточность свойственного людям интеллекта. Вследствие этой недостаточности люди не могут обсуждать жизненно важные для них вопросы на том уровне, на каком, как они же сами знают, должны его обсуждать. Человек нуждается в интеллекте, который бы, например, мог обсуждать действия правительства через сотни и тысячи взаимосвязанных параметров, причем обсуждая каждый параметр отдельно, обсуждать их все вместе, и с той легкостью, с какой сегодня на предвыборных дискуссиях обсуждают «интегральный» вопрос – честно ли и компетентно ли наше правительство.

«Обессмысленные, электронноуправляемые математические мыслительные процессы дали политической экономии иллюзорную возможность преобразовывать общественные отношения посредством вычислительных абстракций. Они создали отрезанный от животного опытного знания, недоступный чувствам системный мир. Человек в нем предстает устарелым, не отвечающим новейшим требованиям, неприкаянным существом. Ему требуются химические и электронные протезы, чтобы справиться с технической окружающей средой. Проекты искусственного интеллекта и искусственной жизни направлены на преодоление биологической ограниченности человека. Первопроходцы искусственного интеллекта- Минский, Моравек, Курцвейль, де Гарис – не скрывают своего призрения к человеческой «Плотской машине». Природа, считают они, наделила вид «человек» способностью отказываться от самого себя в пользу постбиологических форм жизни и разума, и даже с помощью компьютерной обработки растворится в космосе в виде бессмертного духа»- не без иронии писал французский философ Андре Горц[4]. Но ирония здесь неуместна – проблема действительно серьезна. Человеческая мысль достаточно выросла, чтобы поставить проблему адекватности понимания окружающей реальности, но у человеческой плоти нет средств, чтобы эту проблему решить. Таким образом, человечество само себе делает вызов – или, если угодно сложность социальной системы делает вызов сложности мозга индивида.

Сеанс одновременной игры

Одна из составляющих этого вызова – потребность в многозадачности. Современный человек вынужден постоянно делать несколько дел, и самый классический пример этого – когда любая работа прерывается телефонными звонками, проверкой электронной почты или разговорами по ICQ. Прекрасно сказал о нынешнем состоянии цивилизации английский писатель и специалист по информатике Майкл Фоли: «Образы времени: Потная и растрепанная фигура на тренажере – бежит из всех сил, чтобы оставаться на месте, при этом смотрит на большой экран открытый чемпионат Франции по теннису, а в наушниках звучит рок-группа… Женщина в кресле у парикмахера пролистывает фотографии со свадьбы знаменитостей в журнале Hello!, покуда ей моют волосы и одновременно делают массаж головы, одним ухом она прислушивается к болтовне радиодиджея, в другое – вливается печальная повесть парикмахерши… Молодой человек раскинулся на диване, попивая водку с «ред булл», он смотри жесткое порно, пока ему энергично отсасывает коленопреклоненная блондинка. Всякий, кто не пытается делать три дела одновременно, не живет полной жизнью, не извлекает никакой пользы из века синхронных множественных отвлечений и перманентных множественных связей: мир мультизадачности, гиперссылок – всепроникающего мира Интернета»[5].

К сожалению, как показывают последние исследования, мультизадачность вовсе не способствует росту эффективности и производительности человека – совсем наоборот. Об этом, например, свидетельствует американский писатель и ученый Николас Карр, в течение трёх лет проводивший исследования для написания книги «Отмели: как интернет меняет принципы нашего мышления, чтения и памяти». В ней он приходит к выводу, что люди, постоянно отвлекаемые электронными письмами, мгновенными сообщениями и обновлениями понимают меньше, чем те, кто

способен сконцентрироваться. Люди, которые привыкли заниматься одновременно множеством задач часто гораздо менее творческие, и менее продуктивные, чем те, кто занимается только одним делом за раз.

И другие психологи также приходят к выводам, что те, кто вроде бы умеет легко заниматься срезу несколькими делами, делает их в итог медленнее, чем те, кто по старинке делает все по очереди. Говорят, что этому есть нейрофизиологическое объяснение: наше сознание является «узким горлом» для информационных потоков, мозги, точнее его кора может сознательно заниматься в каждый данный момент только одним объектом. «Мы настолько заняты наблюдением за калейдоскопическим разнообразием, которое нас окружает, и одновременно решением множества разных задач и вопросов, что, по сути, не способны ни на чем по-настоящему сосредоточиться. Из-за этого на самые простые задачи уходят подчас целые часы»- подводит итог подобным исследованиям Ричард Уотсон[6].

На первый взгляд, это означает, что мы должны отказаться от мультизадачности — отключить электронную почту, выкинуть мобильный телефон и т. д. К сожалению, у людей часто просто нет выхода. Люди отвлекаются не только потому, что им так нравится, а потому что их отвлекают.

Если человек откажется от интенсивных коммуникаций с внешним миром, он все равно окажется неполноценным элементом социальной системы – хотя это будет и неполноценность другого рода. Служащий, который не отвечает в течение рабочего дня на телефонные звонки и не проверяет электронную почту также не подходит для современного мира, как и тот, кто тормозит работу из-за того, что занимается тремя делами сразу. И кажется, он не подходит в еще большей степени.

Возникает неразрешимая дилемма. Современный человек, разумеется, не может себе позволить, чтобы мультизадачность снижала его эффективность. Но он одновременно не может выпадать из постоянной коммуникации с внешним миром. От мультизадачности никуда не деться- современный работник одновременно занимается «несколькими проектами», он получает множество разнообразной информации из разных каналов, он имеет дело с многогранными задачами. Таким образом: мозг человека не подходит для мира мультизадачности, в котором мы все вынуждены жить. Он должен превратиться в более многозадачный.

Внимание как дефицитный ресурс

Если человек недостаточно эффективен в насильственно навязанных ему ситуациях мультизадачности, если, например, он не может совмещать интерес к своим личным и общественным проблемам, и не может вникать в стоящие ему перед ним сложные вопросы достаточно глубоко, то это значит что он оказывается не способен уделять должное внимание тем реалиям, к которым подводит его современная жизнь. Ключевое слово здесь — внимание. Важнейшим ресурсом в современном обществе становится человеческое внимание.

В условиях избыточного информационного шума, страшной конкуренции раздражителей и источников информации успеха может достичь только тот, кто привлечет к себе внимание – покупателей, избирателей, инвесторов, должностных лиц, политиков, членов экзаменационной комиссии, жюри конкурса, экспертного сообщества, прессы и т.д. и т. п . За внимание конкурируют не только политики корпорации, но и такие безличные сущности, как «темы», и «сегменты культуры», экология конкурирует за внимание с кинематографом, забота о низкокалорийном питании конкурирует за него же с заботой о выборе высокотехнологичных гаджетов.

Важнейшей задачей всех, кто нуждается в привлечении внимания, становится уже не только повышение качества своих предложений и проектов, сколько оперирование специальными раздражителями, рассчитанными на привлечение внимания любой ценой, и не имеющими отношения к истинной ценности предлагаемого. Во всех областях и на всех уровнях социальной жизни царит вакханалия рекламы, когда внешняя яркость важнее внутреннего содержания, когда достоинства любой вещи насколько возможно фальсифицируются или сенсационно преувеличиваются. Те, кто выбирают предлагаемое – товары, проекты, кандидатуры, идеи, книги, темы для размышления – вполне принимают эту ситуацию, и даже не пытаются оценить любое предложение по достоинству, ограничиваясь только теми, кто в условиях жесткой конкуренции, попал в зону их внимания, ограничиваясь краткими резюме вместо полного текста и т.д. и т.п.

Пока объемы человеческого сознания остаются столь невместительными по сравнению с мощью обрушивающихся на каждого индивида информационных потоков, человек не может прорваться сквозь рекламу к сути смыслу предлагаемой информации. По сути, несопоставимость объемов циркулирующей в обществе информации и возможностей индивидуального мозга приводит к тому, что в обществе прерывается коммуникация – поскольку один человек не способен услышать того, что говорит ему другой человек. Неспособен отчасти потому, что собеседник, оттесняемый конкурентами и заглушаемый всеобщим информационным шумом, просто не может прорваться в поле внимания слушателя, отчасти же из-за того, что даже и прорвавшись к уху слушателя, он обязан сказать не то сообщение, которое он хотел бы довести, а лишь его краткую и предельно искаженную законами рекламу «аннотацию».

Теоретически, «отправляемое» и «принимаемое» послание – это одно и тоже, но ситуацию избыточной конкуренции источников информации порождает острый конфликт между интересами отправителей и реципиентов информации. Говоря проще, отправитель заин-

тересован в том, чтобы сделать послание более длинным и скучным, чем в этом нуждается получатель. Приспосабливаясь к вкусам получателя, отправители любых посланий вкладывают в свои сообщения не то содержание, которое они исходно хотят сообщить. Конкуренция в буквальной степени затыкает рот всем без исключения говорящим, заставляя вкладывать в свои сообщения не то, что они хотят сообщить, а то, что может выжить в дойти до адресата в агрессивной, высоконкурентной и шумной среде.

Передается не сама идея, а мысль о ценности этой идеи. То есть – послание в корне меняется. Я заинтересован передавать идею, а вместо этого генерирую и посылаю сообщения о ценности моей идеи, т.е. рекламу. Меняется моя "профессия" как источника информации. И "реципиенты" читают большую часть времени не саму содержательную информацию а многочисленные рекламы, аннотации и заголовки – то есть подвергаются уговорам прочесть нечто, но на само чтение время уже нет.

Решить эту проблему, восстановить межчеловеческую коммуникацию и сделать человека более адекватным мощи циркулирующих в обществе информационных потоков возможно, только искусственно увеличив мощность, скорость и вместимость человеческого мозга. Резонно сказал Хуан Энрике – футуролог, директор компании Biotechnomy (цитирую по интернету): "Колоссальное количество информации, которая появляется сегодня, изменит наш мозг. Ему нужно будет подстраиваться к новым условиям, чтобы обрабатывать в тысячи раз больший объем знаний, чем в прежние века – и уметь немедленно забывать все лишнее». Вопрос только в том, достаточно ли для этого использовать потенциал природного мозга — или его надо совершенствовать техническими средствами.

Учиться никогда не поздно?

Отдельный круг проблем современного общества связан с гибкостью и обучаемостью людей. Примерно до второй половины XX века западная цивилизация в течение многих веков отрабатывала классическую формулу взаимоотношений обучения и труда в человеческой биографии: сначала человек получал образование, в детстве и юности он обучался у наставников и в школах различного уровня, а затем оставшуюся жизнь использовал полученные знания и навыки. Эта формула имела то несомненное преимущество, что она идеально соответствовала динамике физиологических способностей человека к обучению. В развитии человеческого организма с некоторыми оговорками действует известная закономерность: чем моложе особь – тем выше ее обучаемость. Поэтому, получение образования именно в молодости было обосновано не только с точки зрения житейской логики, но и физиологически.

Однако теперь человечество вошло в фазу, когда обучение перестает быть уделом исключительно юности. Переквалификация, повышение квалификации, обучение последним достижением своей профессии становится обязательным компонентом существования любого специалиста. Однако, хотя старость можно отодвинуть и замедлить, но наступление старости неумолимо, и чем старше человек, тем ниже его обучаемость.

Таким образом, мы вступаем в мир, где физиологическая динамика способностей к обучению не соответствует реальному графику учебных нагрузок: во второй половине человеческой жизни обучаемость падает, а потребность в переобучении растет.

При этом, темпы развития профессий ускоряются, а это означает, что во все большей степени необходимость учиться ложиться на зрелых и немолодых людей. Если физиология не позволяет профессионалу в старости быть прилежным и быстро схватывающим новый материал учеником – то он рискует потерять квалификацию, что, как мы знаем к старости случалось с очень высококвалифицированными специалистами. Целые профессиональные сообщества рискуют оказаться неадекватными — особенно принимая во внимание тот факт, что именно немолодые, сделавшие карьеру профессионалы занимают высшие посты, и несут наибольшую ответственность.

Значит, деградации профессий и профессионалов может помочь только нахождение способа повысить обучаемость человека в немолодом возрасте.

Проблема обучаемости является лишь частным случаем более общей проблемы, которую можно было бы назвать «императивом повышения гибкости мышления». Наш мир становится все более скоростным и изменчивым. То, что вчера приносило успех, сегодня морально стареет, и требует замены на новое. От руководителей корпораций и государств, как, впрочем, и всех людей, все более требуется широта мышление, умение в любой момент отказаться от стереотипов – сколь бы эффективной не было стереотипное поведение в недавнем прошлом. Однако, чем больше человеческий возраст — тем более регидным и неповоротливым становится человеческое мышление и поведение. Между тем, руководящие позиции занимают, как правило, люди в возрасте, поскольку любому человеку, требуется какое-то время, чтобы сделать карьеру, и никто, кроме рано осиротевших престолонаследников не может получить в ранней молодости высший пост — тем более, что у слишком молодого человека преимущества гибкости искупаются недостатком опыта. И, тем не менее, чем сложнее цивилизация, тем больше разрыв между предъявляемым к немолодым руководителям требованиям гибкости и их реальными «кондициями». У этой коллизии возможны два исхода. Либо карьерные траектории начинают вставать с ног на голову, и способные люди достигают карьерного пика в молодости, а после этого — скажем, после 33 лет — переходят в разряд слишком старых, а значит второсортные сотрудников. Либо — появляются биотех-

нологические возможности изменения человеческой психики. Очевидно, что мировой истеблишмент был бы заинтересован именно во втором решении.

Слишком сложные машины

Существует еще один немаловажный аспект «неполноценности» человеческой природы — это несоответствие человека техносфере. Уязвимость человека перед радиационными утечками замедляет развитие ядерной энергетики, но это как раз решаемое проблема. Куда важнее другое. Современный человек фактически перестает справляться с созданной им же техносферой, что, в частности, выражается в статистике техногенных катастроф.

Вот что пишет Аркадий Либерман – один из ведущих российских специалистов по радиационной гигиене и безопасности: «Усложнение и совершенствование техники, ее количественный рост, появление еще не изученных (или мало изученных) возможных технических отказов, нарушений неизбежно создает предпосылки к увеличению вероятности (риска) возникновения аварий. Возможности же человека в предотвращении аварий также росли за счет улучшения образования, повышения квалификации, улучшения качества отбора, использования компьютерной техники, автоматизированного управления производством, совершенствования всей системы и средств обеспечения безопасности и т.п., но, тем не менее, эти возможности со временем стали все более заметно отставать от ускоренного развития и расширяющихся возможностей современной техники». В результате, возникла «зона отставания» роста возможностей человека-оператора от быстрых темпов развития (усложнения) техники»[7].

Отставание человека от возможностей техники, началось где-то после 1970-х годов — именно в это время начался резкий рост количества жертв техногенных катастроф, который продолжается по сей день. Причем, как отмечает Либерман, «Если ранее (до 70-х годов XX века) более 75% всех происшествий в техногенной сфере было вызвано техническими причинами, то сегодня прослеживается тенденция резкого смещения причин этих происшествий в сторону человеческого фактора».

Таким образом, современный человек, будучи неадекватным требованиям техносферы, становится опасным для самого себя, что проявляется в возросшем числе аварий и их жертв. Разумеется, есть еще резервы и в рамках существующей человеческой природы: ведь в развивающихся странах жертв техногенных катастроф больше, чем в развитых, а значит, многое можно сделать за счет улучшения образования и инвестиций в системы безопасности. Однако, проблема существует и для развитых стран, техника становится все сложнее, и что самое ужасное, техносфера приобретает черты неуправляемости, поскольку подавляющее большинство даже квалифицированных технических специалистов владеют лишь «пользовательскими» интерфейсами соответствующих устройств, но не понимают принципов их работы: телеоператор не понимают устройства камер, водители уже не могут разобраться в насыщенном электроникой устройстве автомобилей и т.д.

Наконец, сегодня уязвимость человеческого тела, его жесткая привязанность к земным условиям существования являются главными препятствиями для освоения космического пространства. Человечество располагает достаточно мощными летательными аппаратами, чтобы достигать и Марса, Юпитера, и Меркурия, однако пока доставлять на эти планеты предпочитают почти исключительно роботов, поскольку никто не хочет нести бессмысленные и, поистине, фантастические расходы на обеспечения жизнедеятельности человека в течение полета и его возвращения обратно. Полет на Марс – не дешевое удовольствие, но все расходы возрастают неимоверно, если вместо автоматических устройств отправлять туда живых людей.

Итак: существует множество причин, чтобы усовершенствовать человеческий мозг техническими средствами – причем настоятельная потребность в таком совершенствовании ощущается не потому, что люди хотят стать более совершенными, а потому что «немощь» тела и мозга задерживают социальное развитие, и ощутимо снижают эффективность общечеловеческого «хозяйства», именно поэтому, если биотехнологии дадут возможность изменять наш мозг – общества обязательно схватится за эти возможности, а пока что общество несомненно будет инвестировать в подобные проекты.

Мы не знаем, каким именно успехов смогут добиться биотехнологии, и что действительно произойдет с человеческим телом в ближайшем будущем. Единственное, в чем можно быть уверенным – так это в том, что будущее окажется неуютной чужбиной, куда нам всем предстоит эмигрировать, простившись с может быть не самым комфортным, но привычным нынешним миром. Будущее будет не темным и не светлым – оно будет непривычным, и потому оно будет казаться чужим.

---

[1] Уотсон Р. Файлы будущего: История следующих 50 лет. М., 2011. С. 73

[2] Арендт Х. О революции. М., 2011. С.88

[3] Ридли М. Каталлаксия: Рациональный оптимизм в 2100 году // The Prime Russian Magazine, 2011, №5 (8). С. 51

[4] Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М., 2010. С.15-16

[5] Фоли М. Век абсурда: Почему в современной жизни трудно быть счастливым. М., 2011. С.111-112

[6] Уотсон Р. Файлы будущего. С.94

[7] Либерман А.Н. Техногенная безопасность: человеческий фактор. СПб., 2006. С.7-8

Футуристический проект «сверхчеловека СССР»

Может ли он быть востребован сегодня?

Юрий Шушкевич

Концепция сверхчеловека, вульгаризированная германским нацизмом, на самом деле являлась одним из философских образов будущего, возникшим в эпоху модерна. Взлёт и крушение Советского Союза удивительно точно коррелирует с циклом ее развития и заката в XX веке. Сегодня, когда новая «экономика знаний» позволяет вернуться к реализации этой императивной антропологической идеи, насколько актуальны опыт СССР и соответствующие представления европейской и отечественной философии?

Генезис Советского Союза как государственного образования принципиально нового типнельзя рассматривать вне контекста развития общечеловеческой идеи об изменении природы человека, о формировании людей с новыми сознанием, моралью, волей и с невиданными прежде способностями. Революционные преобразования, произошедшие в начале XX века сразу в пяти мировых империях – Китайской, Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской – во многом определялись предчувствием кардинальной смены «ветхой» человеческой природы, необходимостью ее обновления. Прогрессивное обновление человеческой природы вслед за прогрессом производительных сил – именно так должен быть сформулирован основной вызов той эпохи.

«Предчувствие сверхчеловека» начало формироваться в европейской философии еще в начале XIX века. Всё быстрее и динамичнее меняющийся мир более не мог объясняться Божественной волей, отсюда основой мироздания становилась воля природных сил, достигающая в человеке своей высшей объективации (А.Шопенгауэр). Следующим шагом была абсолютизация человеческого «Я», получившая свое выражение в трудах И.Фихте и М.Штирнера, и завершившаяся целостной концепцией сверхчеловека у Ф.Ницше. Согласно Ницше, задача сверхчеловека – противостоять своей волей злым природным силам (природной воле), управляющим миром.

Европейское отождествление человеческого «Я» с основой мироздания в полной мере соответствовало задачам и идеалам технологического уклада, который с середины XIX века всё настойчивее реализовывал себя через крупнокапиталистический строй. Вместе с тем, оно несло и неразрешимое противоречие: подобный строй, привечающий «сверхлюдей» в лице предпринимателей, финансистов и технократов, совершенно не нуждался в развитии сверхчеловеческих качеств у остальной части населения, уделом которого становился наемный функциональный труд. Мы увидим, что весьма скоро это противоречие приведет к кризису западной идеи сверхчеловека и выработке в ней принципиально иных философских доктрин.

Альтернативная концепция сверхчеловека, в полной мере способная преодолеть данное противоречие, возникла и развивалась в России. Поиск «русского сверхчеловека», начало которому было положено в трудах Н.Страхова, В.Соловьева, Н.Федорова и других отечественных философов, основывался на духовном возрождении и преображении его земной природы. Посвящая часть своей воли собственному совершенствованию и приближению к Творцу, русский сверхчеловек уже одним этим получал возможность снять противоречие между Творцом и тварью, вследствие которого на земле существуют неравенство и нужда. Согласно Н.Страхову, человек – центральный узел в мироздании, в трактовке Н.Бердяева – именно человеческий свободный творческий дух способен преодолеть ограниченность бытия.

При внешне схожем антропоцентризме, западная и русская трактовки сверхчеловека различались в своих «предельных состояниях»: европейская модель стремилась к экзистенциальному преодолению ограниченной земной сущности человека, русская же – несла идею преображения человеческой сущности, идею создания Нового человека, идею Богочеловека.

«Но какое значение все эти философские инвективы имеют для жизни?» – спросите вы. Оказывается, самое прямое и непосредственное. Философы, будучи людьми умными и духовно развитыми, лучше остальных чувствуют перемены, которые несут законы мироздания, преломляясь в изменяющемся человеке – по причине чего их книги хотя бы изредка стоит

читать.

Именно предвосхищение, «предчувствие Нового человека» явилось глубинной основой успеха русской революции 1917 года. Революционеры и увлечённые ими массы самых разнообразных партий и пошибов могли быть сколь угодно корыстны, извне мотивированы, ограничены, бессердечны, безумны – но они никогда не променяли бы спокойную жизнь и налаженный быт на лишения и борьбу, если подобные предвосхищения и внезапно открывающиеся идеи близкой новой жизни не снедали бы, не лишали покоя и сна. Большая их часть никогда не читала философских книжек, зато философы могли достаточно точно предсказать и заранее описать те состояния и обстоятельства, которые с неизбежностью будут вынуждать людей пытаться изменить свою жизнь.

«Дворцовый переворот» с захватом «командных высот» на II Съезде Советов в Петрограде, к которому сегодня часто пытаются свести революционные события 1917 года, никогда не смог привести к созданию на обломках империи нового могучего государства, если бы идеи глубинного, подлинного преображения человеческой природы, для воплощения которых в новом государстве открылся необходимый простор, не обеспечивали ему реальную поддержку со стороны миллионов. Желание пограбить, обязательно присутствующее при любой революции, не может быть креативным – креатив, необходимый для успеха революционных преобразований, давало представление о том, что старая царская Россия, безнадёжно отстав от Запада, рискует, пытаясь устранить этот разрыв, ещё более увязнуть в тенетах проблем, из которых Запад еще даже не начал выбираться. Средний русский человек начала XX века едва ли имел даже относительное представление о реальных проблемах Запада, но точно знал, что Божьего царства в Европе и Америке нет. Поэтому не было и смысла их догонять, необходимо было волевым усилием перенести себя в некое более совершенное Новое общество, которое затем всё тою же своей волей продолжать развивать. Широкое укоренение в России марксистских идей позволяло не сомневаться, что Новое общество реально (не могли же два бородатых «немца» ошибиться!) – стало быть, реален и рывок в него. И когда подобное представление стало массовым, революция сделалась неизбежной.

Запомним эту логическую связку: тёмная несправедливая жизнь – еще большая несправедливость, маячащая за ближайшим поворотом; зато далее – сверкающее царство истины и добра, путь к которому закрыт природными и социальными «злобными силами». Употребив свою волю на преодоление этого разрыва, добиваемся для себя искомой новой жизни и – посредством всё той же воли – начинаем заниматься собственным преображением. В переводе на язык философии это звучит так: в человеке, совершающем революции и строящим Новую жизнь, природные силы получают высшую объективацию, благодаря чему человек возносится над природой и над жизнью. Атеисты на этом могли поставить точку, люди с верой могли бы добавить, что человек при этом еще и уподобляется Творцу – к чему, как известно, каждый христианин должен стремиться. Сказанное выше – не заурядная формула революции. Это программа генезиса сверхчеловека с преображенной природой, о котором писали русские философы.

Так что в становлении Советского Союза идеал Нового человека, или сверхчеловека, сыграл едва ли не определяющую роль. Он на подспудном, часто неосознаваемом уровне сознания оправдывал потери и лишения, убеждал в некорыстном характере перемен, без использования каких-либо PR-технологий обращал к СССР подлинные симпатии миллионов людей во всем мире. «Очарование советским строем», которому в довоенные годы поддавались даже наши прирожденные недоброжелатели, было ничем иным, как отражением ярких, подлинных, не нуждавшихся в управлении извне результатов человеческого развития и преображения. Несмотря на официальный атеизм советского государства, в своей сути этот процесс имел христианскую моральную основу – что, в частности, определяло открытость и интернационализм советской модели.

Основу бытия Нового человека должны были составлять всезнание, универсальность, свобода от пороков «проклятого прошлого», стальная воля, вера и идеал и т.д. В отличие от Запада, в Советском Союзе идея сверхчеловека внятно и отчетливо никогда не провозглашалась, однако это не мешало ей глубоко укорениться в сознании людей, стать едва ли не основной частью советского акматического идеала. Если не касаться записных героев той эпохи – лётчиков, полярников, героев Испании и Хасана, – то на практике массовый идеал советского сверхчеловека реализовывался через отрицание свойств и характеристик «человека прошлого». Действительно, дореволюционная эпоха для большинства была тёмной и страшной страницей истории, в то время как строительство новой жизни кардинально меняло людей, выводя прежние пороки и привычки за грань нравственно допустимого. И, конечно же, идеал сверхчеловека проявлял себя через неистовое стремление к знаниям. Ни одна из инициатив советской власти не имела столь живого и горячего отклика, не обрела столько миллионов последователей и искренних почитателей, как развитие в СССР первоклассного среднего и высшего образования. Что бы ни говорили сегодня о «реализме» и трагичности той эпохи, определяющими отношениями для бытия людей в Советском Союзе до конца 1930-х годов были сильнейший акматический подъем и подлинная гонка за новыми знаниями, новыми практиками, новыми талантами.

В советском акматическом идеале очень важную роль занимала задача истребления косного и рутинного труда, на смену которому должен был прийти труд свободный и творче-

ский, с невиданными доселе показателями производительности. Последнее – очень примечательно, поскольку одновременно с человеком преображению подлежала и сфера производства материальных благ: советский сверхчеловек должен был «проскочить» ограниченность существующего промышленного уклада и, как можно скорее, отказаться в технологическом укладе Будущего, где необходимые блага будут производить машины, а призванием сверхлюдей станут научный поиск, технологическое творчество и искусство.

Конечно же, создать в СССР общество сверхлюдей не удалось. Был лишь явный и мощный градиент движения к этому идеалу – но даже он значил весьма многое, буквально за считанные годы радикально меняя людей. Однако в сфере межнациональных отношений сверхчеловечность в СССР вполне состоялась, поскольку в стране был реально преодолен национализм. Для общества, намеревавшегося волей своих членов изменять мир, категории, подобные этничности, становились ничтожными и неразличимыми. Советский интернационализм, сформированный и укоренённый за считанные годы, был подлинным и непридуманным. Между прочим, если бы германский рейх также опирался на интернациональную идею – хотя бы в рамках европейской общности наций – он был, скорее всего, непобедим.

Также в СССР не удалось сформировать и законченной теории Нового человека – советского сверхчеловека. Сначала официальная марксистская доктрина крайне настороженно относилась к «религиозным экивокам» дореволюционной русской философии (достаточно вспомнить разгром Лениным идей «богостроительства» марксистов Луначарского и Базарова-Руднева, в которых содержалась искренняя попытка найти основу бытия в результатах человеческого творчества). А по вполне понятным причинам с конца 1920-х годов «сверхчеловечность» терминологически начала считаться в СССР проявлением фашисткой идеологии.

Однако к тому времени начала трагически эволюционировать и меняться западная идея сверхчеловека. Как мы помним, в ней не содержалось идеи человеческого преображения: европейский сверхчеловек, преодолевая волей сопротивление косных природных сил, а также самого себя в процессе безжалостного дарвиновского отбора (помните знаменитое «Падающего подтолкни!»), должен был лишь воссоздать свою подлинную, исходную и неискаженную природную сущность. Отсюда европейский сверхчеловек, закончив решать проблемы с природой и обществом, должен был попросту стать хозяином последних. Но в «непреображённом» мире, где миллионы людей вынуждены были продолжать трудиться в шахтах и у станков, «сверхлюди» могли укорениться лишь в вершине социальной пирамиды, нижние ярусы которой отводились для не прошедших естественный отбор «унтерменшей». Достигшая подобного концептуального завершения в гитлеровской Германии, сверхчеловеческая идея стала идеей античеловечности, то есть выродилась.

На смену вырождающейся идеи сверхчеловека в Европе к началу тридцатых годов пришла «философская антропология» М.Шелера и А. Гелена (оба философа, что показательно, были немцами, а Гелен даже вступил в НСДАП – то есть их сознательный уход от «официального» ницшеанства более чем показателен). Основная мысль «философской антропологии» – человек в высшей степени сложен и иерархичен, волевые порывы не способны решить никаких его проблем, заниматься нужно самопознанием (для избранных) и социальной гармонизацией (для остальных). Иными словами, человека надлежало с существующим порочным и несовершенным обществом примирять, благодаря чему общество постепенно тоже должно было меняться к лучшему. «Мещанство!» – воскликните вы. Совершенно верно, на смену технологически невозможному преодолению несовершенной и несправедливой жизни следовал призыв к отказу от «излишних» человеческих претензий, к примирению и сознательному конформизму.

Значительно более достойный и отнюдь не «мещанский» путь к разрешению противоречий между человеком и средой предложил европейский экзистенциализм. Вместо познания человека в координатах мировой иерархии в качестве основной задачи людей было провозглашено познание человеческой сущности, которое предполагало уход от идей рационального преобразования мира в направлении переживания индивидуального иррационального бытия.

Экзистенциализм оказался поистине гениальным открытием философии, поскольку вернул слабому, «маленькому человеку» точку опоры, научил выживанию в жутком, свирепом и не поддающемся преобразованию мире с сохранением чести, лица, с простором для личного внутреннего развития, против которого бессильны все вместе взятые эксплуататоры, негодяи и палачи. Ж-П.Сартр был абсолютно прав, назвав свой знаменитый доклад «Экзистенциализм – это гуманизм». Пожалуй, в кошмарной реальности середины XX века иного убежища для гуманизма просто не существовало. Увы, знание об этом было доступно в те годы только немногочисленной интеллектуальной элите: именно поэтому самый значительный в мировой литературе экзистенциальный роман – «Мастер и Маргарита», будь он опубликован каким-то чудом в 1940 году, остался бы не понят и, скорее всего, искренне проклят – причем не только в СССР, но и в Европе. Сверхчеловеческая идея к тому моменту еще не достигла своего предела и продолжала развиваться – поэтому пронизывающая роман вполне христианская идея обращения человеческой воли вовнутрь самого себя – несмотря на то, что для этой воли имелись более доступные и выгодные земные приложения – у Булгакова могла проявиться только в декорациях дьявольского карнавала.

Подобные малозначимые для широкой публики философские и литературные нюансы означали, на самом деле, фундаментальный поворот, который мировая промышленная цивилизация начала совершать с 1930-х годов от классических идей антропоцентризма к идеям функционализации человека, к превращению его в один из производственных элементов будущего технократического строя. Мы уже говорили, что философские идеи обычно опережают свое время: так вот, время «функционального» человека, довольствующегося полнотой бытия исключительно «внутри себя», в полной мере наступает именно сегодня, когда в условиях сверхразвитых производительных сил, контролируемых тончайшей прослойкой финансовых и технократических элит Запада, уделом остальных становится одинаковый для работяг и менеджеров редуцированный функциональный труд. И если подобное состояние общества не будет преодолено, то экзистенциализм останется, пожалуй, единственным выходом для тех, кто, не желая превращаться в чипированных киборгов, намеревается сберечь свою человеческую природу. Не думая о «свете», по крайней мере, заслужить для себя и своих близких воландовского «покоя» – ведь как говорят футурологи, киборги не будут умирать в привычном и полном смысле, детали их организма и мозга смогут использоваться и работать вечно…

Но вернемся в эпоху великих иллюзий и несокрушённых надежд. Советский Союз, развивавшийся в 1930-е годы по логически иному, чем капиталистический Запад, пути, через отрицание едва ли не единственного отношения редукции сложного труда к труду простому (так как сверхчеловек по определению способен непосредственно производить и обмениваться продуктами сложного труда) обретал номинальную возможность избежать кабалы функционализации. Имел возможности для укоренения и дальнейшего развития в своих гражданах подлинных сверхчеловеческих творческих начал, для преобразования общества исполнителей в общество творцов, для изменения, в конечном итоге, самой природы человека. В техническом плане для этого было нужно создать производительные силы, которые были бы в состоянии обеспечивать изобилие жизненных благ с минимальным (а лучше – с нулевым) расходом простого труда. Между прочим, именно подобная метацель стояла за позднесталинскими инновациями, связанными с развитием ядерных технологий, энергетики, органической химии, электроники и других сверхновых на тот момент отраслей, чьи гигантские темпы роста в конце 1940-х – начале 1950-х годов в полной мере поддерживали подобную убеждённость, а колоссальные ресурсные возможности СССР делали реалистичными разговоры об экономике, в которой стоимость товаров со временем будет стремиться к нулю. Но для достижения подобного успеха было необходимо начать рассматривать бытие советского общества как уникальный всемирно-исторический шанс во имя земного человеческого Преображения, во имя Богочеловечества. Увы, подобные идеи, в изобилии рождавшиеся и развивавшиеся накануне революции и в первые годы после нее (группа “Вперёд”, «каприйская школа», М.Горький, русский постреволюционный авангард и т.д.), уже к середине тридцатых годов оказались исключенными из общественного дискурса. Хотя Сталин, отдадим ему должное, так и не позволил в годы своей жизни ввести в советскую политэкономию классическую идею потребления – эту «антиновацию» сотворили уже в годы правления следующего советского лидера.

У нас стало едва ли не традицией и «хорошим тоном» возлагать вину за смену акматического общественного дискурса двадцатых-тридцатых годов на Сталина и установленный им «тоталитарный режим», истребивших «романтиков революции». Однако революционный романтизм являлся лишь внешней эмоциональной формой, одинаково приемлемой для различных человеческих типов: так, основной блок идей, противостоявших Сталину и тяготевших к словам и делам Л.Троцкого, как раз и исключал в революционере подлинную сверхчеловечность, рассматривая его в качестве функционального «винтика» в машине Мировой революции. Парадокс – но уничтоженное Сталиным «поколение революционеров» не носило в себе никаких идей сверхчеловечности, их идеалом, напротив, были «мобилизация масс» и создание трудовых армий, предвосхитивших ГУЛАГ. В этом контексте идеи Троцкого – при всём их внешнем революционном антураже – сегодня оказываются вполне комплиментарными дискурсу западной цивилизации на функционализацию общества, руководимого узкой элитарной прослойкой.

Парадокс второй – Сталин, учредивший в СССР жёсткую бюрократическую вертикаль и «деспотически подавлявший свободу», вполне разделял отвергнутые Лениным и Троцким идеи «богостроительства», а также рождённые «русским ренессансом» представления о Новом человеке. Собственно, «госзаказом» Сталина советской культуре было ничто иное, как задача воспитания этого самого нового человека. Причем идеалом становился отнюдь не послушный «винтик», а творчески одаренный, физически развитый, аполлоновского типа советский человек – чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к массовой советской литературе той эпохи. Причина, по которой при Сталине практически не строили малогабаритное доступное жилье, но зато возводили поразительные дома-дворцы, состояла всё в том же: советский сверхчеловек не должен был ютиться в «лачугах» и «клетушках»…

При всей неоднозначности и трагичности советской истории, опыт СССР по формированию Нового человека, или советского сверхчеловека, – уникален, и он ещё ждёт своего полноценного и объективного исследования. Поскольку «новый человек» в СССР рассматривался открытым миру, несущим всем ну-

ждающимся защиту, знания, прогресс и т.д., одно уже это не позволяет проводить параллели между «тоталитарными режимами» СССР и гитлеровской Германии – желание уравнять которые сегодня становится навязчивой идеей у отечественных и западных либералов. Проявлять уважение к советскому проекту необходимо хотя бы потому, что в годы Второй мировой войны, в условиях равных техноэкономических потенциалов СССР и Германии, именно антропологический тип советского сверхчеловека в полной мере доказал свое и волевое, интеллектуальное и деятельностное превосходство над «арийским сверхчеловеком» – победа которого, сумей она состояться, изменила бы современный мир до неузнаваемости и отнюдь не в лучшую сторону.

К.Симонов как-то заметил, что «войну выиграл сталинский школьник». А ведь именно это самое поколение «сталинских школьников», родившихся в начале двадцатых и в полной мере сформировавшееся под воздействием идей преображения мира и человека, в течение своей недолгой – для большинства из них – земной жизни смогли собственной волей и жертвенностью изменить ход истории. Иными словами, в полной мере реализовали идею собственной сверхчеловечности. Страну и мир в годы войны спасли именно они, а не «истерзанные режимом бесправные орды» – будем же помнить, какого рода людям мы обязаны своим нынешним бытием!

В чем же заключалась неудача советской идеи Нового человека, и насколько с ее закатом потерпела фиаско глобальная идея русской философии по преображению человеческой природы, по воссозданию в ней Божественной сущности?

Прежде всего, новый человеческий тип не мог укорениться и воспроизводиться естественным путем в условиях старого промышленного уклада, основанного на использовании преимущественно редуцированного человеческого труда. Этот уклад господствовал на Западе, и он же – в процессе индустриализации – объективно воссоздавался в Советском Союзе. Возведённые в годы первых пятилеток промышленные гиганты лишь обеспечивали стране конкурентоспособность с Западом, но никак ни товарное изобилие и ни ликвидацию простого труда. Поэтому в части возможностей вести творческую, свободную от рутины выживания жизнь «сверхлюдьми» в СССР являлись лишь крупные ученые, конструкторы, организаторы промышленности, деятели культуры, военачальники… Элитарность данного человеческого типа, первоначально рассматривавшаяся как временное явление, так и не смогла быть преодолена. Советская элита, в свое время формировавшаяся на началах позитивного отбора, быстро превратилась в квази-феодальную прослойку, претендующую на ограниченное количество благ. Интерес «сверху» к продолжению позитивного отбора угас. Интерес же к позитивному отбору «снизу» не смог сформироваться в силу того, что превратившаяся в функциональные «винтики» большая часть советского народа почти не имела возможностей для изменения своего социального статуса, за исключением разве что комсомольской или партийной карьеры. Но для успеха в последней требовались отнюдь не «сверхчеловеческие» качества, а качества, определяющие негативный отбор – карьеризм, лесть, приспособленчество, цинизм и т.д.

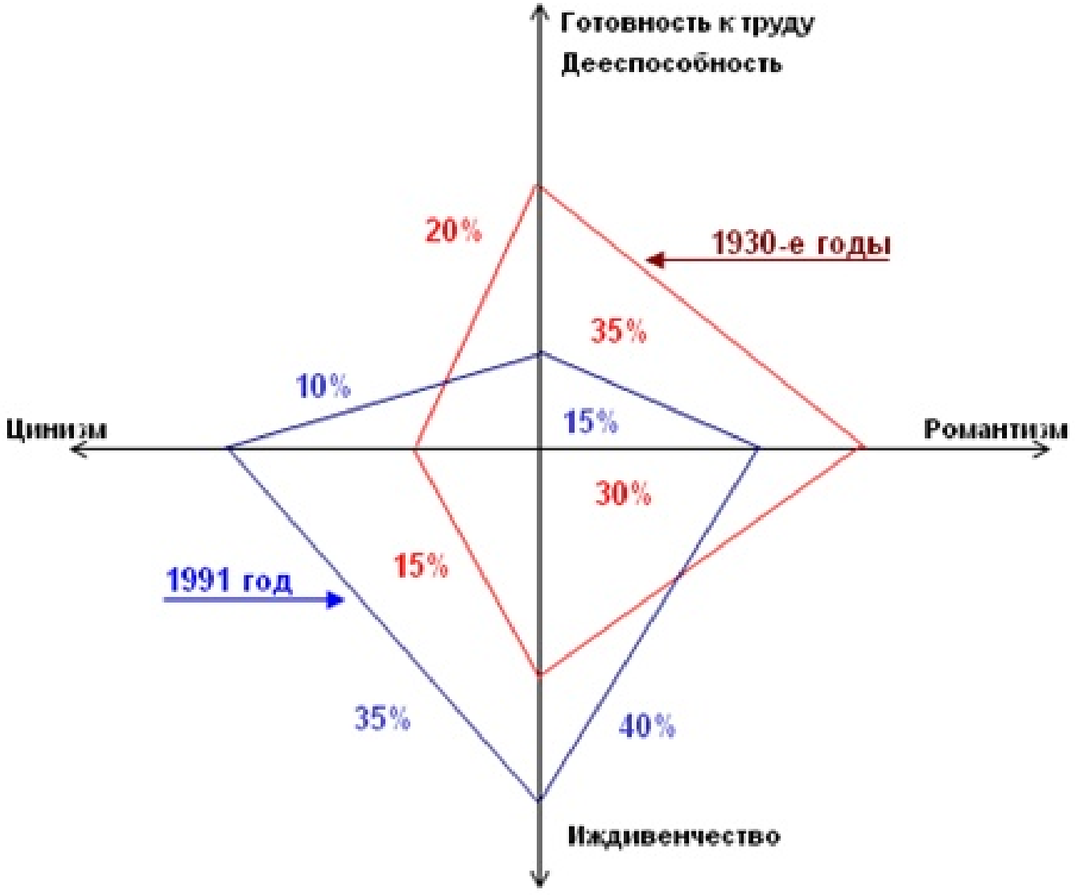
Таким образом, необходимый для формирования нового человеческого типа позитивный отбор к концу 1930-х годов перестал работать в системе партийной и государственной власти, а к середине 1960-х покинул практически все сферы советской жизни. Причем критичным оказалось не изменение идеалов (генезис и смена идеалов – закономерный процесс), а смена мировоззренческих и поведенческих доминант, прежде всего отказ от примата деятельностности в пользу иждивенчества и уход от романтизма в область цинизма.

Последняя трансформация состоялась в связи с изменением психологического типа советского человека в процессе перехода от «классической эпохи» к технократическому обществу модерна. Сверхчеловек тридцатых был дуалистичен: идеологически устремлённый к высотам модерна, психологически он всё ещё оставался носителем общинно-крестьянских архетипов. Первоначально данный дуализм не только не был конфликтен, но и порождал синергию: архетипические общинные представления о Беловодье идеально сочетались с идеалом общества справедливости и гармонии, а многовековая крестьянская, артельная привычка к напряженному труду формировала мощнейшую трудоспособность. Из рассказов старших родственников многие из нас должны помнить, что в те годы мало кто использовал свое свободное время в целях привычного для нас сегодня отдыха в кресле у телевизора – большинство посвящали его какой-то обязательной практической деятельности: от занятий спортом с соседскими детьми до изготовления домашней мебели…

На приводимой ниже графической социометрической модели, группирующей общество в разрезе психологических и деятельностных мотиваций, показано, что для довоенной эпохи было характерно преобладание «дееспособных романтиков» – в основе своей Новых людей, выросших из общинной традиции. Рядом с ними – консорция «дееспособных циников» – профессиональных администраторов и политиков. Вместе они и образовывали мощный человеческий слой «сверхлюдей тридцатых», численность которого правомерно оценить в 55% от всего населения.

Катастрофа произошла с поколением детей «дееспособных романтиков» в шестидесятые-семидесятые годы. В неузнаваемо изменившемся к тому времени обществе и мире были полностью изжиты реликты общинного архетипа, питавшие романтический взгляд на жизнь, а аналогичных им, но уже из технократических сфер модерна – несмотря на все усилия советской научной фантастики – не возникло. Вместе со сменой знака психологи-

Принципиальная схема изменения психологических и деятельностных мотиваций в советском обществе с 1930-х к 1991 г



ческой доминанты изменилась и доминанта отношения к труду, в результате чего к концу восьмидесятых в стране резко увеличилась численность «циничных иждивенцев» – наиболее антисистемного и балластного человеческого типа. Вчерашние «романтики» встретились в соответствующем квадранте с потомками не покидавших его десоциализированных элементов – всевозможных «бывших людей», гопников, представителей уголовного эгрегора и т.п. В тридцатые годы таковых также было достаточно – не менее 15%, к девяностым же их стало более трети. Там же и ожили причудливо трансформировавшиеся в эпоху модерна наиболее мрачные элементы древнего общинного архетипа – завистливость, нигилистичность, животное неприятие культуры как образа человеческой свободы, вандализм, поклонение и садистическое любование насилием. Если провозглашённая когда-то «страна мечтателей, страна учёных» была по доминанте своего менталитета страной прежде всего горожан, страной стремительно расширяющейся городской культуры, то к обозначенному рубежу СССР стал возвращаться в лоно полугородской, полудеревенской культуры посада. Понятно, что в таких условиях не могло быть речи не только о сверхчеловечности, но и об элементарном модерне.

Не могу не сказать и о горьких, затянувшихся поминках советского сверхчеловека – о нарастающем с послевоенных лет невиданном в истории цивилизаций национальном запое. Причиной этого запоя называют и привычку, берущую начало от пресловутых фронтовых «ста грамм», и послевоенный шок от масштаба человеческих утрат. Я же полагаю, что основная причина – прежде всего укоренившаяся в коллективном бессознательном скорбь по утраченной идее сверхчеловечности. Эта скорбь оказалась максимальной прежде всего у трех славянских народов – даже не в связи с тем, что славянство было несущим хребтом советского народа, а в силу того, что посредством сверхчеловечности обретал надежду на воплощение «комплекс Беловодья» – вековая славянская мечта о мире, гармоничном человеку, то есть преображенном его свободной и разумной – иначе сверхчеловеческой – волей.

Таким образом, прежде, чем прекратил свое существование Советский Союз, исчез тип человека, в интересах развития и во имя триумфа которого СССР строился и развивался на протяжении своих 67 лет. После 1991 года Россия подобрала остатки когда-то прекрасного человеческого материала, деградация которого продолжается на наших глазах. Чтобы преодолеть инволюцию российского общества, необходимо заново запустить процесс его социогенеза – однако где те сильные и неспекулятивные идеи, способные справиться с подобной задачей?

Самое поразительное в том, что такая идея есть, и это – по-прежнему идея сверхчеловечности. Я утверждаю так не из-за привязанности к только что изложенным умозаключени-

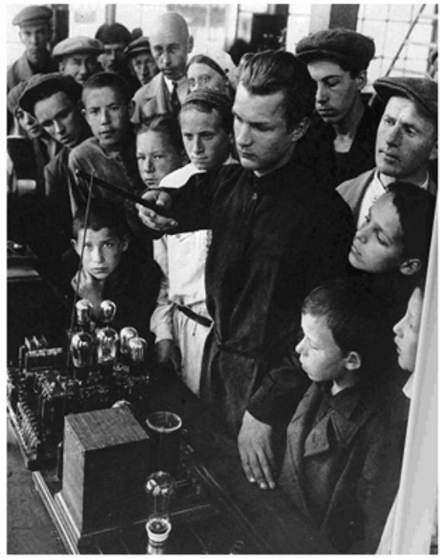
ям, а в силу совершенно объективной закономерности: новый постиндустриальный строй впервые в человеческой истории формирует все предпосылки для того, чтобы сверхчеловечность наконец-то смогла быть воплощена!

Судите сами. Новый технологический уклад, основанный на биоэкономике (работают микроорганизмы) и роботизированных сборочных производствах (работают автоматы), делает реальным производство жизненных благ с существенным ослаблением ресурсных ограничений и минимальными затратами простого труда, а в своем пределе – и без таковых. Новые биомедицинские технологии снимают и другое ограничение – «лимит» по здоровью и продолжительности человеческой жизни. Таким образом, человек будущего освобождается от социальной и экзистенциальной ограниченности, а его свободная творческая воля – в полном соответствии с мыслями А.Шопенгауэра – становится полноценной основой бытия. И наконец-то получает возможность – теперь уже в соответствии с идеями русской философии – сотворчествовать Творцу в преображении мира.

Правда, в наиболее технологически развитой части мира – в обществах Запада – ничего подобного не предвидится. Антропологический дискурс там давно и устойчиво задан углублением отношения функционализации человека как единственно возможного способа его бытия в условиях экзогенно иерархизованного общества. Под этим сложным термином понимается весьма простая вещь: западное общество, сформированное и управляемое сверхузкой прослойкой финансовой и технократической элиты, может продолжить свое существование только при условии похищения, «убийства» свободного времени людей, высвобождающегося под воздействием прогресса технологий и медицины. Если в обществе будущего, где для получения жизненных благ люди смогут работать всё меньше, высвобождающееся время не «изымать», то по причине неизбежной реализации его членами своего подлинного творческого потенциала иерархичность общества начнет неуправляемо и необратимо изменяться. На смену экзогенной иерархичности, сформировавшейся и институциализировавшейся в далёком прошлом, придет иерархичность эндогенная – динамичная, подвижная, живая. Поэтому западные элиты, господству которых, в общем-то, ничего сегодня не угрожает, сделают всё для того, чтобы высвобождающееся свободное время граждан «золотого миллиарда» было посвящено пусть фиктивному, ритуальному, но зато безальтернативному функциональному труду. При всём могуществе и блеске Нового Запада рождения сверхчеловека там не предвидится. Зато значительно вероятнее, что киборги со временем возникнут именно в его пределах.

У России, несмотря на её длящийся упадок, сегодня парадоксальным образом есть абсолютно реальные и, пожалуй, наилучшие среди остальных стран мира шансы на возврат к

Вспомним образы *Новых людей* ушедшей советской эпохи:



Сможем ли мы когда-либо воссоздать подобную уверенность в своих силах и позитивное чувство жизни?

антропоцентричной модели развития, единственной на сегодня способной сохранить позитивную человеческую природу, а со временем – и преобразить её. Беспрецедентные территориальные и ресурсные возможности, сохранение ядер основных научных и технологических школ, практическая доступность технологий нового уклада, практическая достижимость «экономики знаний» – и, конечно же, уникальный и бесценный своими взлётами и падениями опыт развития Нового человека. В нашей стране возможно не только укоренить паритетный с Западом новый технологический уклад, но и сформировать полноценную систему социально-экономических отношений, воспроизводящих подвижную эндогенную иерархичность. Подобная «параллельная Россия» вполне способна развиваться в режиме конвергенции с существующей общественно-политической системой, без революций и государственных потрясений трансформируя последнюю к собственным стандартам. Высшей земной ценностью преображённого подобным образом российского общества явится уже знакомое нам бытие сверхчеловека. А небесные идеалы каждый сумеет определить по вере своей.

Возрождение России в качестве своего важнейшего и необходимого условия должно опираться на восстановление творческой и полноразмерной природы человека как основы для развития его нравственных, интеллектуальных и духовных сил. И именно поэтому в коротком, неоднозначном, трагическом и ярком периоде советской истории мы можем отыскать подлинный и объективный опыт генезиса Нового человека, столь важный для России сегодня.